

1. Жил такой романтик

За восемьдесят с лишком лет существования газеты «Эвенкийская жизнь» (прежде называвшейся «Эвенкийская новая жизнь» и «Советская Эвенкия»), что на севере Красноярского края, в ней трудились десятки талантливых и просто способных журналистов. В их числе был и Анатолий Мичурин.

По зову сердца

Начинающий журналист, он приехал в столицу северной национальной автономии — посёлок Тура по комсомольскому набору и по зову молодого горячего сердца из Горьковской области перед самой войной, в 1940 году. Проработал в «Эвенкийской новой жизни» ответственным секретарём совсем немного и был переведён на комсомольскую работу. Оттуда добровольцем ушёл на фронт, хотя по зрению считался негодным к военной службе.

Молодой газетчик и поэт жил и работал в Эвенкии всего год, но и за этот краткий срок он оставил в маленькой северной газете заметный след — своими стихами, корреспонденциями и статьями из командировок на фактории. К сожалению, об Анатолии Мичурине в наши дни из эвенкийцев почти никто помнит, его мало кто знает.

А ведь он всем сердцем полюбил Эвенкию, её природу, людей, а когда началась война, в числе тысяч северян ушёл на фронт и незадолго до Победы сложил свою голову на далёкой чужбине.

Впрочем, я и сам узнал о Мичурине случайно: в редакцию «Эвенкийской жизни» пришло письмо от дочери Анатолия Мичурина (он успел жениться в Эвенкии) Ольги, в котором она к очередной годовщине Победы немного написала о своём отце.

Я, как редактор, тогда решил не ограничиваться рядовой заметкой на основе этого письма и тех немногих сведений об Анатолии Мичурине, которые нам удалось обнаружить в редакции из книги приказов и разрозненных, к сожалению, подшивок газеты предвоенной поры, а попросил его дочь написать нам всё, что она знает об отце.

Ольга Анатольевна сообщила, что об отце ей известно по рассказам мамы, его односельчан, родных и из его писем к маме и бабушке с Севера, а затем и с фронта.

«У меня сложился образ отца — человека мужественного и целеустремлённого, искреннего,

заботливого по отношению к близким, преданного любимому делу и истинного патриота своей Родины», — писала Ольга Анатольевна из Томска, где она проживала с матерью.

Детство Мичурина

Родился Анатолий Мичурин в 1922 году в крестьянской семье, в маленькой, сказочно красивой деревушке Анциферово Горьковской области. Его мать, Ольга Алексеевна, хотя и проучилась всего один год в церковно-приходской школе, была кладезем народной мудрости, знала множество стихов, песен, пословиц и поговорок.

Отец Анатолия Мичурина, видимо, был образованным человеком, так как после ранней смерти от туберкулёза — ему было всего двадцать семь лет! — оставил семье большую библиотеку произведений классиков русской литературы и известных зарубежных авторов.

«Я помню два огромных сундука в сенях у бабушки с толстыми томами книг, красочно изданные сказки Пушкина. До настоящего времени сохранились лишь произведения Шекспира», — писала нам Ольга Анатольевна.

В страшные, голодные тридцатые годы мама Анатолия, Ольга Алексеевна, осталась вдовой с тремя детьми от года до восьми лет, и старшим был Толя. Поднимать детей Ольге Алексеевне помогала сестра мужа — Василиса Николаевна, также оставшаяся вдовой после гибели мужа в Русско-японской войне. Ей самой приходилось пахать и сеять, лес валить и сено косить, вести хозяйство, и первым её помощником в семье был старший сын Анатолий.

Начальное образование он получил в соседней деревне, куда ежедневно ходил за два километра от дома. А семилетку окончил в посёлке Навашино, почти ударником, так как в свидетельстве всё же вкралась одна тройка («удовлетворительно») — за немецкий язык.

Юный газетчик

Его таланты проявились ещё с мальчишеских лет — он начал писать стихи, и первое стихотворение было напечатано в муромской районной газете, когда Анатолию было тринадцать лет. Это невероятно,

но в пятнадцать лет (в 1938 году) его пригласили на штатную работу в редакцию «Муромского рабочего». А в восемнадцать лет он уезжает, по призыву комсомола, осваивать Сибирь.

В Красноярске Анатолию Мичурину предложили на выбор — работать в Хакасии или в Эвенкии. Анатолий, как подлинный романтик, выбрал Крайний Север. В окружном центре Эвенкии Туре издавалась газета «Эвенкийская новая жизнь», редакция которой нуждалась в способных, грамотных журналистах. А у Анатолия, несмотря на юный возраст, за плечами уже было три года газетной практики. И его, как опытного (!) журналиста, определили на должность ответственного секретаря. Было это в 1940 году.

Обязанности секретаря — макетирование будущих газетных полос, вычитка рукописей и гранок, работа с типографией, то есть он фактически прикован к столу. Но Анатолий Мичурин не мог мириться с таким положением и старался при любой возможности отправиться в командировку, туда, где жили и трудились истинные таёжники — оленеводы, охотники, рыбаки, откуда привозил достоверные, очень живые и красочные очерки, зарисовки, корреспонденции о труде и быте коренных северян.

«Отец практически с первых дней своего пребывания в Эвенкии вёл дневник, часть которого сохранилась, из него я почерпнула сведения о моей малой родине», — писала нам дочь Анатолия Мичурина Ольга.

Знакомство с Эвенкией

В то время в Туре было выстроено уже девяносто два дома, и лишь несколько из них — двухэтажные. Анатолий Мичурин делился своими впечатлениями о жизни в Эвенкии в дневнике и в письмах домой:

«На огромной территории население очень редко. Проедешь по тайге 200–300 км и не встретишь жилья. К факториям прокладываются дороги на оленях. На дорогах на сотни километров друг от друга станки (2–3 чума). На станках закусишь, попьёшь чаю, переменишь оленей и опять мчишься».

«Эвенку построили хорошую тёплую избу. Но, верный своему обычаю, он на ночь уходил в чум, который стоял сзади избы, а в избе принимал гостей».

«Фактория Виви на крутом каменистом берегу. С трёх сторон лес. Стройные, высокие и гибкие лиственницы, пихты. Изредка попадается кедр. Вокруг фактории лес изрублен, и торчат голые островерхие пни. Четыре бревенчатых крепко сколоченных дома, и все окнами на Тунгуску».

На мощный, басовитый гудок теплохода за какие-нибудь полторы-две минуты берег покрылся людьми. С лёгкостью серны, прыгая с камня на камень, бежали девушки-эвенки. Два эвенка, возбуждённо размахивая руками, что-то кричали нам.

С грохотом разбросав сверкающие брызги, упали с барже якоря. Караван остановился. Мы вышли на берег.

Эвенки и русские, охотники и рыбаки, женщины и дети кольцом окружили каждого сошедшего на берег. Искали своих знакомых, друзей, может быть, ехавших с караваном, просто из любопытства.

Такое событие в жизни фактории случается нечасто. Это первый караван за лето, но он в то же время и последний. После него могут быть только катера и илимки (крытые лодки).

Мы познакомились с факторией: магазин, радиостанция, поссовет, красный уголок. В красном уголке в строгом порядке разложены по полочкам и по столам книги, учебники для неграмотных на русском и эвенкийском языках.

Молодёжь и даже пожилые эвенки играют в бильярд. И неплохо. На моих глазах пожилой эвенк обыграл русского с каравана, и очень крепко!»

«17 августа я возвратился из командировки. Ездил на глассере за 80 км вниз по Н. Тунгуске в геологическую экспедицию».

В дневнике отца Ольга Анатольевна нашла карандашные строчки, написанные, возможно, под впечатлением этой поездки:

Встречный ветер, сильный ветер
Брызжет пылью водяной.
За кормой вода вскипает,
Поднимает вал седой.
Справа скалы — дух захватит,
Сосны, пихты между скал.
И, горбясь и извиваясь,
Меж камней дробится вал.

Летописец северной жизни

Невозможно без волнения и глубочайшего интереса вчитываться в эти строки, оставленные очевидцем событий почти восьмидесятилетней давности, происходивших в далекой и малоизвестной тогда Эвенкии:

«В экспедиции пробыл 3 дня. Смотрел, как добывают исландский шпат, идущий в оборонную промышленность. Здесь самые богатые месторождения по Союзу. Шпат похож на стекло белого и желтоватого цвета. Колется правильными ромбами. Самородки шпата бывают до 1–5 кг. Он очень дорог. Один кг шпата стоит 12 300 руб.

Часть экспедиции — инженер-геолог, рабочие — останутся на зимовку. Цель — выяснить, возможны ли горные работы на Севере в зимних условиях. Если можно, то с будущего года работы будут проходить круглый год. Исландский шпат находится в вечной мерзлоте».

«Сейчас наблюдается массовый переход белок с одного места на другое. Часто можно видеть прямо в Туре этих маленьких зверушек. Белки

прыгают по крышам, по телеграфным столбам. Но бить их ещё не разрешается. Можно будет только с 15 октября. Пойду на охоту с малокалиберной винтовкой. Из неё уже стрелял много раз. Стрелял в тире из пистолета и револьвера».

В письме к матери:

«Брат Николай хвалится, что очень много грибов. Это всё пустяки по сравнению как здесь! Стоит лишь зайти на километр-полтора в тайгу, как наберёшь столько грибов, что не унесёшь. Очень много голубицы. А брусники (уже поспевают) множество!»

«Рыбы много. Наловили мы однажды с Петром Степановичем — самым заядлым рыбаком Туры (нашим директором типографии), развели в тайге у ручья костёр, вскипятили чай с ягодами, сделали опалишку. Наелись замечательно!

Опалишку делают так: вычищенную и вымытую рыбу завёртывают в газету и кладут в горячую золу. Жарится быстро и хорошо. Попробуй сделать так, только не забудь посолить».

«Рыбы в здешних реках — Н. Тунгуске и Кочечу-ме — полно. Рыбачил уже несколько раз. Беру одну удочку, ловлю пауков или кузнечиков и на них забрасываю удочку без поплавка и грузила. Попадается хариус, сиг и другая рыба».

19.07.1940 г.:

«13 июля ездил за 25 км в командировку в пионерский лагерь. Обрато в Туру я вместе с товарищами шёл по тайге. Какая красота и дикость природы! Перебродил через 5 горных речек. Там вода холодная, стремительная. Поймал насморк».

«Проходил приписку. Признали негодным к строевой службе по зрению».

Из письма к матери от 26.06.1940 г.:

«Я тосковал, я ждал известий из моей премилой деревушки. Сколько раз, прервав работу, я мысленно уносился на нашу широкую зелёную улицу, вдыхал её ароматный, настоящий запахами садов воздух, играл с друзьями в городки, пел и гулял с ними, шутил с девушками. Но это была лишь одна иллюзия. На самом деле я так далёк от вас, что трудно представить, — 7000 км!»

«Начинаю всё больше и больше привыкать к северной жизни. Друзей завёл уже много — всю Туру знаю, всех ребят и девчат наперечёт. Ребята есть неплохие. Двое работают вместе со мной в редакции. Один — Миша Толоконников — инструктор, другой — Володя Мешков — художник. Володе только 20 лет, но он рисует замечательно. Гравировать на линолеуме рисунки для газеты.

Квартиру дали вместе с директором типографии. Он хороший, словоохотливый человек».

«Работы у меня сейчас „по горло“, как говорится. С 1 сентября работаю ответственным секретарём редакции. Ничего, справляюсь. Работу осваиваю быстро. Комсомол поручил мне ответственное и почётное дело — меня избрали председателем комиссии по агитации и пропаганде при РК ВЛКСМ, секретарём комсомольской организации редакции. Вчера в Туре (3 дня) проходила 4-я конференция ВЛКСМ Илимпейского района. Я на ней был делегатом. Конференция тайным голосованием выбрала меня кандидатом в члены пленума РК ВЛКСМ и делегатом на окружную комсомольскую конференцию.

Зря, мама, ты беспокоилась, что я пропаду на чужой стороне, что „глуп“, ещё молод. В том, что я молод, — правда, но, как видишь, не пропадаю, а пользуюсь авторитетом».

Его любили эвенки

Ольга Анатольевна писала нам в редакцию, что, со слов её матери и односельчан, то есть туринцев, она сделала заключение о том, что отец её был прекрасным человеком, замечательным семьянином, неутомимым работником, общительным, располагал к себе окружающих и имел много друзей. Он не боялся контактировать с «высланными элементами», хотя подобное тогда не одобрялось. Его любили эвенки, и, похоже, любовь была взаимной. Анатолий Мичурин в своих стихах отмечал искренность, гостеприимство эвенков и их единение с природой:

Лишь пробежит лисицей рыжей
Заря раненько кедром,
А Долича уже на лыжах,
Винтовку вскинул на плечо.
Идёт по снегу. Снег нехожен,
Переплетён звериный след.
Тайга в снегу. И кедр, похоже,
В пушнину мягкую одет.
И меж деревьев дрожат в ознобе
Не тени робкие ветвей,
А кажется — лежат в сугробе
Межа бесценных соболей.

О полярной ночи он писал так:

«Более 2-х месяцев мы не видели солнца. Оно скрылось за горами в ноябре, а вновь показалось только в январе.

Два месяца солнце скрывалось,
Уйдя за хребет далеко,
Светило лишь самую малость,
И нам непривычно казалось.
Согнать темноту нелегко!

День был не более 3-х часов. Работали с лампами почти круглые сутки. Пол-одиннадцатого тушили, а в 2 часа лампы опять зажигали. Сейчас солнце поднимается уже высоко. Работаем без лампы.

Почтовая связь между Турой и магистралью была на длительное время прервана. 22 сентября мы проводили последний самолёт. Были почти оторваны от мира. Единственной ниточкой, связывающей нас с остальным миром, было радио. Лишь после 3-месячного перерыва, 22 декабря, из Красноярска пришла почта.

Толя плюс Валя...

Жена Анатолия Мичурина вспоминала: «Он, кроме работы в редакции, был диктором на местном радио, хотя никак не мог расстаться со своеобразным горьковским произношением — „оканьем“».

Анатолий умел зажечь молодёжь, устраивал соревнования в Туре и сам неплохо бегал.

Не страшны ни пурга и ни ветры,
Мне сердитый мороз нипочём.
Я на лыжах бегу километры
Так, что даже спине горячо.
Как большая подбитая птица,
Вьётся шарф у меня за спиной,
Даже ветер и тот не решится
Состязаться на скорость со мной.

Именно в Туре к Анатолию Мичурину пришла большая любовь — он встретил здесь свою будущую спутницу жизни Галину Александровну Строкину, и 7 июля 1941 года, когда уже вовсю шла Великая Отечественная война, они расписались.

Из письма Анатолия к матери:

«Гаяля работает в поселковом совете секретарём. У обоих много общественных и комсомольских поручений, времени свободного мало.

Мама, как у вас жизнь в военное время? Дядю Васю, Николая Александровича, наверное, взяли на фронт. Здесь, на Севере, никого не мобилизуют (Анатолий, видимо, имел в виду оставленных по „бронии“ специалистов и занятых в традиционных промыслах мужчин из числа коренных малочисленных народов Севера — они очень нужны были пока в тылу. — М. В.). Но мы помогаем нашей доблестной Красной Армии своим честным трудом. Досрочно погашаем подписку на заём. Наш коллектив редакции решил ежемесячно в фонд обороны страны перечислять 3% от месячного заработка».

Обращаясь в газете к рыбакам, Анатолий Мичурин писал так:

Рыбак, ты тоже фронтовик,
Ты — славный воин тыла,
Тебе оружие — не штык,
А сеть страна вручила.

Ну вот, на фронт!

Анатолий тоже стремился попасть на фронт, особенно после того, как узнал, что его младший брат

Николай, прибавив себе возраст, ушёл добровольцем и был тяжело ранен в голову под Ленинградом. Из его письма к брату:

«Ты знаешь, Коля, как я рвался на фронт. Я горел стыдом, видя, как уезжают мои товарищи, и читая в письмах сообщения о боевых делах моих друзей. Чем я хуже других?! Почему у меня отнимают святое право бить кровожадного врага, мстить ему за все злодеяния, причинённые нашему отечеству и нашему народу?»

Сейчас я твёрдо уверен, что попаду на фронт, хотя крайком ВЛКСМ пытается что-то сделать, чтобы оставить меня. Но зачем мне это надо?

Только бы попасть в Красноярск и зачислиться в часть, и нет такой силы, которая вырвала бы меня из рядов славной нашей армии. Я отомщу тогда за твою рану, дорогой брат, за смерть моих друзей, Николая Петровича, дяди Василия Ивановича, за бесценные муки и страдания, причинённые моему народу.

Прошу тебя, Коля, успокой маму. Пусть мама не плачет. Кончится война, раздавим гадину, и снова соберёмся мы в родном доме, и с новой силой возьмёмся за мирный труд.

...Береги мои книги, приеду домой — они мне ещё пригодятся. А домой я приеду обязательно!»

Анатолий Мичурин ушёл на фронт в 1942 году, оставив в Туре молодую жену с крохотной дочуркой Олей. К сожалению, у меня нет подробностей пребывания его на войне: на каких фронтах, в каких войсках, в качестве кого Анатолий Алексеевич Мичурин принимал участие в сражениях с гитлеровцами. Достоверно лишь известно, что он немного не дожил до Победы и погиб в марте 1945 года в Венгрии, у реки Раба, подорвавшись на mine...

Но сохранились его письма с фронта — матери, жене, которые дают представление, каким он был солдатом, что чувствовал и переживал, что его больше всего волновало. Привожу их полностью в том виде, в каком их, уже перепечатанные, прислала нам дочь Анатолия Мичурина — Ольга Анатольевна Солдаткина, проживающая в Томске.

Письма с войны

«Галочка, родная!

Привет тебе с-под Будапешта!

Только позавчера отправил тебе письмо. Надеюсь, ты его получила. Живу хорошо, только очень скучно. Кругом чужие люди, пляшущие на тебя глаза, как баран на новые ворота. Говорить с ними — что резину жевать.

Работы очень много, крутишься целый день: учёба, партработа, и ещё прибавилась какая-то хозяйственная работа...

Галочка, радуется душа, и сердце наполняется русской гордостью — наши войска бьют немца,

гонять его дальше в проклятое логово. До Берлина — 70 км. Мы, русские, неумолимые в своей ненависти и гневе, стучим бронированным кулаком в сердце Германии — Берлин. Сломлено сопротивление в Будапеште, и крошат фрицев русские „катушки“ за Одером. Через горечь страданий, через дым сражений пробиваются лучи солнца нашей победы.

Милая, очень странно, но этой зимой я не видел зимы. В Белоруссии только начал крепчать мороз — мы уехали. И чем дальше, тем теплее становилось.

Здесь, в Венгрии, снега почти нет. Тепло, грязь непролазная, настоящая весна. В начале марта здесь уже пашут и сеют.

Родная моя жёнушка, ненаглядная моя! На чужой земле я особенно остро чувствую разлуку с тобой. Любовь моя как будто родилась снова, так она горяча и неподкупна. Галочка, что бы со мной ни случилось, я люблю тебя до безумия. А дочка? Разве можно о ней не думать? Ведь она моя от пальчиков ног до кудряшек. В тяжёлое только время родилась она. Говорит: „Папка, папка“, — а что такое „папка“, не знает. И когда мы встретимся, при каких обстоятельствах?

Милая Галочка, обнимаю тебя, маму, няню, братьев, жду от вас писем. Целую много-много раз. Твой всегда Анатолий.

15 февраля 1945 года».

«Мама, милая моя, любимая!

Сегодня получил твоё письмо, датированное 19 января. Как я рад, дорогая, что ты хоть изредка, но пишешь мне тёплые, хорошие письма. Я знаю, ты любишь меня, думаешь обо мне, беспокоишься обо мне. И твоя любовь, мама, даёт мне новые силы, вселяет уверенность в нашей грядущей встрече.

Я много, мама, передумал о будущем. Только бы закончить быстрее войну, и русская жизнь, прекрасная русская жизнь расцветёт снова. После войны мы будем жить вместе, обязательно вместе. Ты будешь отдыхать, я не позволю тебе работать. Ты уже довольно выстрадала, воспитывая нас, надорвала свои силы в тяжёлом труде. У меня хватит сил создать тебе покой и благополучие.

Мама, неужели ничего нельзя сделать, чтобы скорее поправить здоровье брата? Обратитесь в райком партии, или пусть Галя походатайствует о направлении Коли на лечение через райком комсомола. Ведь Николай — комсомолец.

Мамуля, как я рад, когда читаю в письмах про мою ненаглядную Олюсик! Да её теперь не узнать! Ты пишешь, что Оля растёт бойкой, озорной девочкой. Это хорошо. Мы тоже такими росли. Помнишь, как я куролесил в молодости? Но стал ли я от этого хуже? Оля у нас будет хорошенькой, смелой.

И ещё мама, ты знаешь, как дорога мне Галя, как горяча моя любовь к ней, любовь, которую я

пронёс от Сибири до заграницы. Ты уедишься в этом, когда мы встретимся и будем жить вместе.

Ну, немного о себе. Живу хорошо. Работаю и служу с усердием и любовью. Бойцы меня уважают, моё слово для них — авторитет.

В Венгрии тепло, снегу нет, только в оврагах да в лесу. Вчера был дождь. Утром заморозки, а днём дождь, слякоть. В следующих письмах постараюсь описать мадьяр, их обычаи и нравы. Но скажу одно: лучше магушки России нет и не будет!

Ну, будь здорова, мамочка. Горячо целую Олю и Галю. Любящий тебя сын Анатолий.

25 февраля 1945 года».

Спустя несколько дней жизнь Анатолия Мичурина оборвалась...

2. Народный писатель

Много ли вы знаете писателей, на издание книг которых сбрасываются сами читатели? А я знаю такого. Это красноярский прозаик и публицист, ветеран Великой Отечественной войны Анатолий Ефимович Зябрев.

«И чем же он дослужился до такой почести, что книги его выходят на народные деньги?» — спросите вы. Сейчас попробую рассказать.

Родился Анатолий Зябрев 26 октября 1926 года в посёлке Никольск Новосибирской области. Когда его отца, председателя колхоза, в 1937 году посадили по печально знаменитой пятьдесят восьмой статье, Анатолий, совсем ещё пацан, вынужден был начать зарабатывать на пропитание семьи, так как у матери на попечении, вместе с ним, оставались пятеро детей. Но на одном месте парнишка долго не задерживался: как только узнавали, что он сын репрессированного, его тут же увольняли, и так неоднократно.

Когда началась война и на фронт ушёл старший из братьев, Анатолий припрятал его продуктовую карточку и обменял на хлеб, за что потом жестоко поплатился. Вот как он сам рассказывает об этом в одном из интервью: «На фронт в начале 1942-го, под Сталинград, ушёл брат Вася, у него ещё не росла борода. Оттуда он не вернулся. А я в то же время по недоумию, по слабости характера и воли совершил тяжкое преступление — не сдал Васину хлебную карточку в отдел кадров, а выкупил на неё пайку хлеба и съел. Месяцы в тюремной камере, а потом — лагерь под городком Бердск (Новосибирская область) и... знаменитая Томская колония для малолетних преступников».

И далее: «В 17 лет я из колонии был взят в действующую армию. Это было в 1944-м. После соответствующей подготовки на учебном полигоне под Омском в товарных вагонах направился наш батальон на передовую линию фронта, в окопы. По дороге поезд подвергся бомбёжке, долго стоял на разбитых полустанках. Удивляюсь, как

вчерашие колонисты, ходившие на рабочий объект, на кожевенную фабрику, под строжайшим конвоем с овчарками, теперь не разбегались. Кто-то отставал, но потом догонял. Бегали на привокзальный рынок, успевали что-то стащить у нерасторопных старух. Было сознание, что скоро жизнь может закончиться. Доходили сводки, что потери на фронте огромные: наступать-то сложнее, чем обороняться. Красная Армия в те месяцы наступала. Пока нас везли, командование где-то в высоких штабах передумало: не на передовую линию колонистский батальон, не в окопы, а... срочно переодеть в красные погоны и в фуражки синие с красным верхом, что значило... мы попали в самые презираемые войска — НКВД).

Оказывается, ещё в апреле 1942 года ГКО учредил специальное управление, отвечающее за операции по обеспечению безопасности в тылу действующих фронтов Красной Армии. Оно было названо Управлением войск НКВД по обеспечению безопасности действующей армии и в мае 1943 года повышено в статусе, получив независимость от Главного управления. В то же самое время ГКО поручил этому новому управлению новую и расширенную задачу: «В тесном сотрудничестве с войсками полевых армий войска НКВД должны поддерживать порядок в прифронтовой полосе, бороться с неприятельскими разведывательными и диверсионными группами, участвовать в строительстве оборонительных рубежей, эвакуировать промышленные предприятия, охранять и защищать важные коммуникации и объекты, конвоировать и охранять военнопленных, а также лиц, осуждённых военными судами за тяжкие преступления».

Так или иначе, Анатолий Зябрев честно отслужил положенные годы в этих «самых презираемых» войсках, прошёл в составе патрульно-постовой службы войск НКВД через Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Германию. Не раз, кстати, мог быть убит (много было желающих на только что освобождённых, вассальных по отношению к гитлеровскому режиму, территориях пострелять исподтишка в поддерживающих законный порядок «краснопогонников») или просто загнуться от какой-либо хвори — слабые были солдатики, очень плохо кормили их, — и демобилизовался только в 1949 году.

«Я был списан по болезни, — рассказывал Анатолий Ефремович. — С массой ущербностей, но бодрый и воодушевлённый. С ощущением беспредельной свободы. Голова кружилась от счастья. Теперь мне было куда вернуться: у мамы была своя комната на улице Кропоткина, которую ей дал завод за погибшего под Сталинградом Васю. Не съёмный угол у чужих людей, а своя собственная комната в бараке, целых почти 9 квадратных метров! Верно, почти половину комнаты занимала кирпичная печь, отапливаемая дровами и углём,

но всё равно — здорово. Никогда я ещё не живал в таком просторе. В армии — койки вплитык одна к другой. В колонии — двухъярусные нары. В тюремной камере — на полу, спина к спине, ноги к ногам».

Отдохнув всего ничего, бывший солдат отправился на заработки в Иркутскую область — нашёл хорошее объявление, сулившее высокие заработки. И на станции Тайшет, ну прямо как в кино, нашёл своего отца, обитавшего здесь после отбытия срока, — в другие места дорога ему, как бывшему политзаключённому, была заказана. Анатолий устроился здесь на строительство железной дороги. Но в неприкаянной его жизни уже отчётливо наметились кардинальные перемены.

«Пробовать» своё перо Анатолий начал ещё в армии — пытался сочинять романы. А после демобилизации он написал очерк про знакомого рабочего, который был не только напечатан, но и замечен, и Зяброву предложили работать в многотиражке, а затем он приглашался в штат городских газет Новосибирска. Так началась его журналистская и писательская карьера. Первый рассказ, напечатанный в журнале «Сибирские огни», назывался «Когда бабушка спит», после было написано ещё более десятка рассказов, из которых получилась первая книга писателя — сборник рассказов для детей «Только-охотник» (1957).

Тогда же Анатолий Зябрев обзавёлся очень полезной для писателя манерой вести что-то вроде дневников: он исписывал тетрадки своими наблюдениями — наметками будущих очерков, рассказов.

Поворотный момент, как принято говорить, в его творчестве и биографии наступил, когда Зябрев в 1960 году был откомандирован по рекомендации журнала «Сибирские огни» в Дивногорск, на строительство грандиозной Красноярской ГЭС. И Анатолий на этом объекте был не сторонним наблюдателем, а полноправным гидростроителем, освоившим несколько профессий.

Наблюдения стройки изнутри, полученные впечатления тут же трансформировались в очерки, которые Зябрев писал, что называется, «на коленке», в свободное от работы время. Они публиковались тогда во многих толстых журналах, сибирских и московских, и принесли Зяброву популярность публициста, а в 1972 году вышли в Красноярском книжном издательстве отдельной книгой «Енисейские тетради».

Ему предложили должность собственного корреспондента журнала «Сельская новь» по Восточной Сибири, и эта работа принесла Зяброву большую пользу в плане сбора материалов для новых книг. «Пожар над сибирскими кедрями», «Путь героя», «Бог ты мой!», «Строители», «В степи, под Абаканом», «Сам себе король», «Мальчишка с большим сердцем» — вот далеко не полный перечень изданных им книг в краевых и московских издательствах.

Членом Союза писателей СССР Анатолий Ефимович Зябров стал ещё в 1964 году, и тогда отбор кандидатур в творческий союз был очень строг. Достаточно сказать, что в советское время в Красноярском крае насчитывалось не более двух десятков авторов с членскими билетами (для сравнения: сегодня их только в двух отделениях Союзов — «писателей России» и «российских писателей» — свыше 60 человек!).

По произведениям Зяброва даже снят художественный фильм «Вот моя деревня» и поставлен спектакль (в московском театре имени Е. Вахтангова) «Енисейские встречи».

И всё же наибольшую читательскую любовь и популярность Анатолию Ефимовичу Зяброву принесли не они, а регулярно появляющиеся в течение уже дюжины лет публицистические заметки на злобу дня в старейшей краевой газете «Красноярский рабочий», которые так и называются: «Заметки каждого дня».

Это остроумные, порой ехидные, а порой кажущиеся совсем бесхитростными, но всё равно задевающими за живое, отклики писателя на текущие события, происходящие во многих сферах жизни края, а то и страны, мира. Зябров в этих заметках иронизирует, недоумевает, задаётся вопросами по поводу животрепещущих тем и предлагает найти на них ответы как самим читателям, так и облечённым властными полномочиями чиновникам.

Я сам «живьём» видел Зяброва всего пару раз, мы никогда не общались, и о моём существовании он, возможно, и не подозревает (хотя допускаю, что какие-то мои публикации на глаза мэтру попадались). Тем не менее Анатолий Ефимович со мной беседует чуть ли не еженедельно посредством этих вот своих «Заметок»: раскрывая очередной номер «Красноярского рабочего» в Интернете или на бумаге, я ищущу в первую очередь именно их. Ну задевает глубокоуважаемый автор мои душевные струны, созвучны его острые, глубокие мысли моим умонастроениям.

Очевидно, нечто подобно ощущают и многие другие читатели. И когда, по истечении определённого времени, возникла мысль (если не ошибаюсь, с подачи одного из читателей) издать накопившиеся «Заметки» отдельной книжкой, но денег на это, увы, не оказалось даже у всесильного когда-то «Красноярского рабочего», наиболее преданные читатели Зяброва взяли да и пустили шапку по кругу.

Конечно, их старания не могли покрыть всю требующуюся сумму, но что-то добавил и «Красноярский рабочий», и таким образом в 2011 году в издательстве «Красноярский писатель» вышел первый сборник «Заметок каждого дня», в 2013 году — второй, затем третий... И вот вышла из печати уже пятая книга публицистических заметок писателя, ставших своеобразной летописью гигантского края.

О такой популярности, когда на читательские средства раз за разом издаются твои книги, можно только мечтать! И это даёт Анатолию Ефимовичу Зяброву право, как, наверное, никому другому, называться народным писателем.

Что ещё можно сказать о неугомонном Зяброве, самом настоящем патриархе сибирской литературы? Несмотря на преклонный возраст (уже за девяносто!), он чувствует себя вполне сносно, живо интересуется всем происходящим вокруг и продолжает писать свои очень востребованные «Заметки каждого дня». Вот и вчерашний выпуск «Красноярского рабочего» не обошёлся без отведённой для них полосы. А значит, не исключено издание и шестой книги «Заметок».

Пожелаем же замечательному писателю, участнику Великой Отечественной войны и просто хорошему человеку, истинному гражданину своей страны, покрепче здоровья, подольше жизни и свершения всех творческих замыслов. А они у него, несомненно, есть!

3. Сибирский характер

Как люди становятся писателями? По-разному. Конечно же, одного желания здесь мало. Надо ещё иметь определённые способности, так называемую «Божью искру», без которой писательскому делу ну никак не разогреться и не разгореться в полную силу. Правда, у кого-то эта Божья искра обнаруживается едва ли не с рождения, а для другого требуется какой-то толчок, стечение определённых обстоятельств, чтобы заложенный в нём талант смог высвободиться наружу.

Простой сибирский парень из далёкого таёжного посёлка Чибижек юга Красноярского края Владимир Топилин работал на местной золоторудной шахте и, как многие потомственные сибиряки, увлекался охотой. Однажды он отправился в очередной раз в тайгу. И здесь с ним произошло несчастье: упал на землю вместе с лабазом (деревянный сруб на манер избушки на высоких «курьих ножках»).

Володя оказался погребён под тяжёлыми горбылями и плахами. От боли он потерял сознание. Когда пришёл в себя, попытался освободиться, но ничего не получилось. Снова потерял сознание. И так Топилин провёл, между реальностью и небытием, несколько суток. Благо, что было лето, июнь 1995 года. А случись это зимой — трагедии было бы не избежать.

Нашли его и высвободили от придавивших горбылей родственники с другими охотниками. У Володи уже были пролежни на спине, мошка изъела ему открытые участки кожи. С большими предосторожностями пострадавшего доставили в посёлок, а оттуда — в больницу.

Оказалось, что у Топилина в трёх местах сломан позвоночник. Ему сделали несколько операций,

которые фактически спасли ему жизнь. Но, увы, не смогли вернуть мобильность. Топилин оказался прикован к инвалидной коляске.

Инвалидность — это всегда не только физическая, но и в первую очередь душевная травма. Человек осознаёт, что судьба его круто меняется, ему приходится менять образ жизни, он волею неволей тяготеет своим состоянием и начинает чувствовать себя ущемленным. В общем, это испытание ещё то, и далеко не все, неожиданно угодившие в такую жизненную ситуацию, выходят из него с честью.

Владимир, несмотря на свой тяжелейший недуг, полностью подчиняться его власти не пожелал — не захотел, как говорят жители Поднебесной, терять своего лица. К счастью, рядом с ним всё это время была и есть святая женщина — его мама Людмила Матвеевна. Это она залечила ему пролежни, возила его по санаториям и больницам, искала ему лучших врачей. Это она ворочала в постели его непослушное тело, чтобы поменять положение и не дать образоваться новым пролежням. Она не давала ему падать духом и всегда находила нужные слова, которые заставляли её искалеченного сына поверить в свои силы.

И во многом благодаря ей Володя не ушёл в себя, не погрузился с головой в своё несчастье. Чтобы держать себя в постоянном тонусе, он регулярно упражнялся и упражняется на построенных им же самим тренажёрах.

И во-вторых, хотя этот пункт надо было бы, наверное, поставить на первое место, он извлёк выгоду — если это можно так назвать — из своего постоянного пребывания в инвалидной коляске. Она стала для Топилина рабочим креслом.

Владимир Степанович (будем уж дальше называть его так, и никак иначе) ещё до произошедшей с ним трагедии пробовал писать стихи, правда, пока только «в стол». А тут решил попробовать себя и в прозе, донести до читателей те переживания и чувства, что пришлось ему перенести во время выпавшего на его долю испытания.

Он также хотел рассказать всему миру, ну или, по крайней мере, своим землякам, в каком чудесном месте они живут, что земли лучше сибирской и людей лучше сибиряков нет во всём мире. Он писал днями и ночами, читал написанное матери, навещавшим его друзьям. И они единодушно отмечали: получается!

А теперь представлю слово первому издателю (кстати, и моему тоже!) Владимира Степановича Топилина — директору красноярского издательства «Буква С» Анатолию Статейнову. Вот что он пишет в своём очерке «Тяжёлая лыжня Топилина»:

«С Володей Топилиным мы познакомились в 2000 году. Где-то в середине лета он приехал в издательство с первой своей повестью. Она называлась „Когда цветут эдельвейсы“.

„Приехал“ — слово малоприменимое к его положению. Володою привезли в издательство родственники вместе с инвалидной коляской. В ней он и выкатил из лифта на восьмом этаже, ловко подвернул к моему 804-му кабинету. И так же без помех (научился общаться с техникой) подкатил к столу... Мы с ним не только поговорили, но и выпили по стопочке. Я пообещал прочитать „Когда цветут эдельвейсы“.

В конечном итоге уже в том же 2000 году эта, во многом автобиографичная, повесть была опубликована в коллективном сборнике красноярских писателей „Спаси и сохрани“. На эту книгу пришло немало отзывов. (Это в наше-то беспутное время люди наконец взяли в руки настоящую книгу!) Чаще других в отзывах читателей упоминалось имя Володи. Сибиряки без подсказок разглядели, кто из пишущих чего стоит».

Так Владимир Степанович шагнул в настоящую литературу. Затем в том же издательстве «Буква» вышли сборники рассказов и повестей Топилина «Таёжная кровь», «Тропой бабьих слёз». «Дочь седых белогорий», «Семь забытых перевалов», «Страна Соболинка»...

Тиражи их были небольшими — в среднем тысяча экземпляров. Но нового писателя заметили, о нём заговорили. Потому что пишет Топилин о том, что близко и понятно сибирякам, его землякам. «...Глубинка, старожилы, золотоискатели, первопроходцы, охотники, старообрядцы, многие написаны на реальных событиях», — так обозначил сам писатель тематику своего творчества.

Некоторое время спустя Владимира Топилина заметили и в столице: на него вышло московское издательство «Вече» и предложило контракт на опубликование его книг в серии «Сибириада». И вскоре одна за одной в книжные магазины и библиотеки трёх-четырёхтысячными (пока!) тиражами пошли такие его книги, как уже известная «Тропой бабьих слёз», «Тайна острова Кучум», «Дочь седых белогорий», «Остров Тайна»...

Можно с уверенностью сказать, что сегодня бывший горняк и промысловик перешёл со своей охотничьей тропы на писательскую стезю, приведшую его к известности. В социальных сетях уже создаются клубы поклонников его таланта, одна за одной на родине Топилина в Чибжики и в Минусинске, где он сейчас живёт, проводятся встречи с читателями.

Конечно же, это легко и быстро пишется о том, чего Владимир Степанович достиг за прошедшие годы. На самом же деле всё это стоило ему огромных усилий, терпения и настойчивости. Он сам искал спонсоров для издания своих первых книг, сам договаривался с книжными магазинами о реализации своих изданных сочинений, для чего ездил по адресатам на своей «Оке» с ручным управлением.

И, конечно же, он упорно работает над усовершенствованием своего слога, своего писательского мастерства. Сам же ездит, пересаживаясь из инвалидного кресла за руль машины, в места, где происходили события его книг с историческим и легендарным содержанием, чтобы собрать достоверный материал для них. И в таких поездках его нередко сопровождает верная спутница и помощница — жена Елена.

Терпение и труд — да ещё и при наличии таланта и целеустремлённости, — как известно, всё перетрут. К Топилину пришла известность как к писателю. Теперь уже о нём самом пишут, создаются радио- и телепередачи как о человеке яркой и необычной судьбы.

И это вполне ожидаемая и заслуженная слава человека, сильного духом, не давшего сломить себя невзгодам и уверенно продолжающего шагать по жизни (пусть по-прежнему в инвалидной коляске, но, как и многие, верю: однажды он встанет с неё!) и вдохновлять своим примером многих других людей, оказавшихся в похожей жизненной ситуации.

Вот лишь один читательский отзыв из многих о Топилине-писателе, который я нашёл в социальных сетях: «До вчерашнего дня я ничего не слышал о таком писателе — Владимире Топилине. А уже после обеда — успел не только увидеть его книги на книжной ярмарке возле дк Чкалова (Новосибирск), но и понять, что не уйду, пока не приобрету одну из них. Теперь являюсь счастливым обладателем сборника „Таёжная кровь“ с автографом писателя! Счастью нет предела: во-первых, редко в наше время встретишь настоящий, „живой“ язык, а во-вторых (спасибо случаю!) — удалось даже поговорить по телефону с Владимиром Степановичем!»

Всем, кто хочет ближе познакомиться с сибирским писателем Владимиром Степановичем Топилиным, человеком — не побоюсь этого слова — героической судьбы, и найти его книги, это несложно сделать: наберите в любом поисковике Интернета его имя или название вышеперечисленных книг, и вы без труда получите искомое. Ведь сегодня Владимир Степанович Топилин — один из известных людей не только в Сибири, но и в России.